

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Имя кембриджского профессора Энтони Кросса широко известно в научных кругах России и многих других стран, где культивируется русистика и русская история и литература. Без сомнения, профессор Кросс является одним из крупнейших русистов мирового уровня и имеет блестящую репутацию знатока русской литературы и истории, особенно XVIII века.

Кроме того, профессор Кросс — замечательный организатор науки. Благодаря ему в 1968 году была создана и до сих пор действует Группа по изучению России XVIII века, объединившая вначале британских, а затем и учёных-русистов самых разных стран мира. Регулярные конференции этой группы и публикация материалов этих конференций становятся заметным событием в научном мире русистики.

В последние годы российская наука обогатилась переводами давно известных специалистам в подлиннике фундаментальных монографий Энтони Кросса «У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке» (СПб., 1996) и «Британцы в Петербурге. XVIII век» (СПб., 2005). Эти книги поистине энциклопедичны. Пожалуй, нет ни одного русского человека XVIII века, который, побывав на берегах Британии даже с кратким визитом, не угодил бы в исследовательские «сети» профессора Кросса — замечательного и страстного охотника за редкими документами и неизвестными фактами. Та же «судьба» ждала и англичан, побывавших на берегах Невы в XVIII веке. Порой кажется, что Кросс знаком с каждым из них лично — так магически он преодолевает пространство времени.

Исчерпывающая полнота информации о русско-английских и англо-русских культурных связях в XVIII веке делают книги и статьи профессора Кросса незаменимыми для изучения самых разных исторических, филологических и общекультурных сюжетов, позволяют полнее судить о внешнеполитических отношениях двух стран на довольно длительном промежутке времени. Поэтому ученые бесконечно благодарны патриарху британской русистики про-

фессору Кроссу за тот огромный вклад в изучение России, который он уже сделал и который делает сейчас.

Перед нами перевод ещё одной книги Кросса, на этот раз целиком посвящённой Петру Великому. Точнее сказать, мы имеем дело с книгой-мемориалом, посвящённым Петру Великому. Образ русского царя-реформатора дан не просто в контексте общего восприятия России и русских в Англии с древнейших времен до наших дней, но во всей возможной полноте — от первых сообщений в английской прессе о Петре, до детального описания пребывания царя в Англии.

Но описанием незабываемой для обеих стран поездки царя в Англию исследование Кросса не ограничивается. Во многих главах книги он, подобно следопыту, тщательно отслеживает, как отразилась личность Петра в английской культуре на пространстве XVIII—XX веков — идёт ли речь о публицистике, художественной литературе, драматургии, изобразительном искусстве, исторической науке. В итоге получилась книга, значение которой выходит далеко за рамки рассмотрения «следа» Петра в английской культуре. Исследование Кросса на широком материале собранных автором оригинальных фактов и мнений даёт общее представление о восприятии России в Англии.

Причём во всём видна честность профессора Кросса, не стремящегося понравиться русскому читателю-патриоту и скрыть зачастую резко негативные суждения англичан о России и русских. При этом он умеет, спокойно и аргументированно, объяснить появление таких суждений, проследить их эволюцию. И тут примечательна особая тщательность работы Кросса, вникающего во все детали и эпизоды интересующего его дела. Так и видишь его, высокого, красивого джентльмена, на какой-нибудь художественной выставке с каталогом в руках, когда он придирчиво проверяет, нет ли тут ещё не отражённой в его исследованиях неизвестной ранее картины или гравюры с петровским сюжетом.

В этой тщательности и педантичности видна только одна сторона научных достоинств профессора Кросса. Важно, что ему присуща глубокая истинная преданность науке, понимаемой им прежде всего как разыскания, сбор и детальный анализ фактов бесспорного происхождения и честное, взвешенное их изложение и интерпретация. Он фанатик архивных поисков. За строками его книг стоят годы изысканий в государственных и частных архивах многих стран мира. Не пропущена ни одна английская газета XVIII века, не обойдена вниманием ни одна рецензия на картину, спектакль, книгу, в которых бы шла речь о Петре Великом, его времени и людях, причастных к царю или России того времени.

При всей глубокой серьёзности, нет-нет и мелькает в книге Кросса неподражаемый английский юмор. Так, касаясь отзывов прессы на спектакль 1898 года Л.С. Ирвинга с участием знаменитой Эллен Терри в роли Екатерины I, Кросс цитирует критика: «Первый выход мисс Терри в мужском облачении забыть будет нелегко».

Кросс посвятил своим исследованиям целую жизнь и эта жизнь отдана России, которую он искренне любит и всякий раз, оказавшись, как некогда его герои, на берегах Невы, испытывает несказанное удовольствие. Кросс истинный друг нашей страны, и мы это высоко ценим и отвечаем ему любовью и почитанием.

Перевод книги с английского языка выполнен переводчиком Михаилом Вишняковым, предложенным самим профессором Кроссом. Нужно отметить, что перевод этот получился оригинальным, нетрадиционным для восприятия современным отечественным читателем, идёт ли речь об особенностях передачи текста или имён, упоминаемых автором. Исходя из глубочайшего уважения к авторской воле, мы решили сохранить перевод книги в том виде, в котором он был передан профессором Кроссом для издания в Институт Петра Великого.

Е.В. Анисимов,
профессор,
научный руководитель Института Петра Великого

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

К двухсотлетию со дня рождения Петра I в 1872 году в Петербурге была издана внушительная библиография «*Pierre le Grand dans la littérature étrangère*» [Пётр Великий в зарубежной литературе], насчитывавшая более тысячи названий. Английский критик писал тогда, что «читателю нет нужды копаться в огромной массе трудов на русском языке, у него есть другая возможность. Для того, кто серьезнее — это несколько десятков официальных жизнеописаний, для тех, кто ищет лёгкого чтения — обилие сборников анекдотов, а также многочисленные поэмы, драмы, аллегории, панегирики и критические статьи; ну а для учёного историка имеются груды документов, касающихся событий правления Петра, а также бесчисленные сочинения о войнах, договорах, реформах и иных сторонах его политики и правления. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в литературе ему создан памятник не менее замечательный и, вероятно, более долговечный, чем великолепная бронзовая статуя, вздымающаяся недалеко от кафедрального собора Санкт-Петербурга». Английские издания, пусть и не самые многочисленные, выделялись почти в каждом разделе библиографии. На протяжении следующего столетия интерес к Петру в Европе сохранился, хотя изрядно сместился к биографии и научному изучению проблем, связанных с теми или иными аспектами его правления.

В 1998 году исполнилось 300 лет поездке Петра в Англию. Этот юбилей, в отличие от столетнего и двухсотлетнего, был отмечен различными конференциями, выставками и публикациями. Именно он побудил меня написать эту книгу, в которой предпринято изучение отзывов англичан на Петра и петровскую Россию на протяжении трёх столетий. Странное дело, если не считать многочисленных пересказов событий, связанных с визитом Петра в Англию, английские учёные в основном оставили этот богатейший материал без внимания. Несмотря на его разнородность и трудность для сбора, я, тем не менее, попытался составить разностороннее обзор-

ние, охватывающее как письменные источники, так и иконографию. Надеюсь, эта книга проложит новую тропу и внесёт свой вклад не только в петровские исследования, но и в историю англо-русских отношений.

На английском и других языках написано немало сочинений, в которых исследуются отзывы на Петра в таких европейских странах, как Франция, Германия и Нидерланды, а также в самой России, хотя обычно они ограничены хронологическими рамками или областью исследований. Первый раздел «Русского миража во Франции в XVIII веке» Альберта Лортолари [*Albert Lortholary. «Le Mirage russe en France au XVIIIe siècle»*] (Париж, 1951), «Миф Петра Великого», — замечательное исследование, хотя оно всецело сосредоточено на XVIII веке. Самый полный русский труд — авторитетный «Образ Петра Великого в русской истории и мысли» Николая Рязановского [*Nicholas V. Riazanovsky. «Image of Peter the Great in Russian History and Thought»*] (Нью-Йорк и Оксфорд, 1985), где, однако, отсутствуют изящные искусства, а литературные примеры взяты из «Образа Петра Великого в русской литературе» Ксении Гасиоровской [*Xenia Gasiorowska. «The Image of Peter the Great in Russian Fiction»*] (Мэдисон, 1979). Недавно Эммануэль Вагеманс выпустил в свет книгу «Пётр Великий в австрийских Нидерландах» [*Emmanuel Waegemans. «Peter de Grote in de Oostenrijkse Nederlanden»*] (Антверпен, 1998), посвящённую второй поездке Петра в Европу в 1716—1717 годах.

Мой труд почти исключительно основан на книгах, периодике и других (преимущественно иллюстративных) материалах, хранящихся в уникальных собраниях Британской библиотеки и библиотеки Кембриджского университета. Мне хотелось бы выразить искреннюю благодарность сотрудникам обоих учреждений, особенно сотрудникам Отдела редких книг, за оказанную ими помощь. Сочинение было завершено во время годового академического отпуска, и я признателен Кембриджскому университету за предоставление мне столь редкой привилегии. На время своего отсутствия я передал бразды правления кафедрой в надежные руки моего коллеги доктора Криса Уорда.

В последние два года я прочёл немало лекций в университетах и на международных конференциях на темы, связанные с моими исследованиями; вариант главы 7 появился в «Новозеландском славянском журнале» [*New Zealand Slavonic Papers*] (1998), и я благодарен его редактору за разрешение включить в книгу материал этой публикации.

Книга посвящается моей жене Маргарет, которая уже сорок лет терпит мои чередующиеся недуги, известные как писательский спазм и литературная слепота, которые, как она надеется, по мере моего приближения к пенсии будут мало-помалу ослабевать.

Кембридж, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Мне отрадно, что книга, впервые изданная в 2000 году в Кембридже, на этот раз выходит на русском языке. Она содержит материал, состоящий из широкого подбора зачастую редких источников, многие из которых совершенно неизвестны российской публике. Мне посчастливилось найти в лице Михаила Вишнякова переводчика, который не только сумел переложить на русский мой современный английский, но и передал посредством «архаического» русского нюансы английского языка XVIII века в многочисленных цитатах из прозаических и поэтических произведений.

Я глубоко удовлетворён тем, что эта книга издана в Санкт-Петербурге под эгидой Фонда имени Д.С. Лихачева (исполнительный директор — Александр Кобак), и недавно учреждённого Института Петра Великого (научный руководитель — Евгений Анисимов), в деятельность которого я вовлечён с самого его возникновения.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить русского рецензента книги Дмитрия Гузевича за обдуманные, меткие и вполне оправданные замечания. Уместно отметить здесь его, в соавторстве с женой, фундаментальное исследование «Первое европейское путешествие царя Петра: аналитическая библиография за три столетия. 1697–2006» (СПб., 2008) и «Великое посольство: рубеж эпох, или начало пути 1697–1698» (СПб., 2008).

Даты приводятся по старому стилю до 1752 года, когда и русские, и англичане пользовались юлианским календарём (первые четыре главы), далее — по новому стилю (следующие главы, где цитируются только английские документы).

Кембридж, ноябрь, 2012

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ К ВИЗИТУ

Многие английские гости России в XVIII и XIX вв., осуждая увиденное, утешали себя мыслью: «*O fortunatos nimium, sua si bona norint, Britannos!*» [О, блаженные слишком, когда б своё счастье знали, британцы! (лат.)] Это мнение, по-видимому, впервые и в предельно красочных выражениях, прозвучало ещё в XVI в., два десятилетия спустя после неожиданного «открытия» России англичанами. Джордж Тербервиль [George Turberville], секретарь дипломатической миссии в Московию в 1568 г., написал друзьям в Лондон три стихотворных послания, в последнем из которых рекомендует:

«Ирландец дикий или росс: кто из двоих милей?
Один другого злей, темней, коварней и подлей!
О друг! Послушайся меня и просто мудрым будь:
Сиди ты дома, навсегда про варваров забудь!»

У Тербервиля было много ещё что сказать о русских: «народ здесь груб и неучтив, в грехах он весь погряз», а затем он без колебаний переходит к подробностям: «Вино — единая их страсть, и в чарке — всё их зло», — заверяет он Эдварда Дэнси. Как следствие: «Не деву, но юнца в постель развратник алчет тот. К такому мерзкому греху дурман его ведёт!»

Вторая поэма адресована «Спенсеру», возможно, поэту Эдмунду Спенсеру. Тербервиль шлёт ему более сдержанное описание тяжелой жизни крестьян и их более приемлемых обычаев и обрядов. Сходным образом он продолжает в адресованной Паркеру третьей и последней поэме, где живописует русских мужчин в духе брейгелевских картин (в первом послании им предшествовало далеко не лестное описание их размалёванных жён):

«Мужи московские толсты, а лица их круглы,
Их пуза раздаются вширь и виснут до полы,
Плоскоголово большинство, а цветом не белы,
Но смуглые от духоты, печей и от золы.»

Прежде чем закруглиться — «я всё бы описал, да жалко мучить мне перо», — Тербервиль успел обрисовать жестокость режима:

«В дикарском сём краю любой закон написан зря,
Казнить иль миловать зависит только от царя.
Царёва воля — весь закон, она же — весь предлог,
А что на ум ему взбредёт, один лишь знает Бог!»¹

Опубликованные в 1587 г. воэмы Тербервиля стали широко известны к концу XVI в., после того как Ричард Хэклюйт включил их в свои «Важнейшие судоходные пути, плавания и открытия англичан» [*Hakluyt Richard. Principall Navigations, Voyages, and Discoveries of the English Nation*] (1589 и 1598–1600). Несмотря на более умеренные повествования ранних мореплавателей, сопровождавшие поэмы сборника Хэклюйта и впоследствии сформировавшие основу «Краткой истории Московии» Джона Милтона [*Milton John. Brief History of Muscovia*] (1682), именно негативные впечатления Тербервиля, даже и без изъятых Хэклюйтом строк о мужеложестве, стали самыми распространёнными элементами зарождающегося образа «дикого и варварского царства». Из соображений благоразумия, а вовсе не ханжества Хэклюйт строже отнёсся к прославленному труду «О государстве русском» Джэйлса Флетчера [*Fletcher Giles. Of the Russe Commonwealth*], который добавил ко второму изданию своего сборника.

Первое издание книги Флетчера, появившееся в 1591 г., было запрещено после вмешательства Московской компании, опасавшейся нежелательной реакции России и сокращения торговли. Но ни вмешательства, ни купюры не способны были изменить и даже умерить аппетит, возбуждаемый курьёзным и экзотическим, тёмным и страшным.

Флетчеру принадлежит непревзойдённый анализ российской системы управления, но самое сильное впечатление на читателей-современников и последующих комментаторов оказали его наблюдения русского быта. Московия Флетчера — это страна, в которой тиранство, невежество и разврат господствуют во всех слоях общества. Флетчер с упорством связывает правителя-деспота с деспотичной церковью и особую неприязнь испытывает к обрядам и духовенству православной церкви, полагая, что «весь вред сей исходит от священства, которое, будучи само невежественно и безбожно, зело озабочено держать народ в таком же невежестве и темноте ради живота своего и брюха; а частию — от уклада державного, заведённого среди них, а императоры их (им он особо благоприя-

¹ Приведённые цитаты взяты из: *Berry Lloyd E., Crummey Robert O. (eds.). Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers* [*Берри Ллойд, Крамми Роберт О. (ред.). Дикое и варварское царство: Россия в описаниях английских путешественников в XVI веке*]. Madison; Milwaukee; London, 1968. P. 75-84.

тен) не охочи до перемен либо новшеств, но удерживают ту веру, что паче ладит с оным»².

Флетчер оказался первым английским автором, составившим словесный портрет правящего царя, в данном случае Фёдора Иоанновича, правившего с 1584 по 1598 г. Этот портрет достоин упоминания и сам по себе, но ещё и потому, что с него начинается галерея, в которой будут преобладать описания великого Петра:

«Царь нынешней (именуемый Фёдором Ивановичем) сложения среднего, коротковат и тучен, с ликом оливкового цвета и склонностию к водянке, нос орлиной, поступь нетвёрдая от некоей слабости в членах, он тяжёл и малоподвижен, однако по обыкновению улыбается, едва ли не смеётся. Из других примет: бесхитростен и слабоумен, хотя весьма мягок, благодушен, тихомирен и милосерден, нрава не воинственного, к делам политики особого дара не имеет, вельми суеверен и в смысле оном невыносим»³.

Флетчер писал в то время, когда острое любопытство англичан к Московскому царству проявлялось в пьесах и поэмах Шекспира и его современников в виде многочисленных и зачастую забавных отсылок, касающихся страны, её обитателей, их нравов и климата. Это любопытство не получило достойной информационной поддержки от тех немногих трудов, что появились в XVII в.⁴ Большую часть столетия англо-русские отношения пребывали в упадке. Интерес англичан к России, подогреваемый, как считал Милтон, «чрезмерной любовью к прибыли и торговле», был подорван конкуренцией голландцев, а гражданская война и казнь Карла I положили конец дипломатическим контактам, возобновившимся лишь после Реставрации. Книга «О государстве русском» в XVII в. будет несколько раз переиздана, и те, кто напишет о Московии извне, как Милтон, или изнутри, как доктор Самюэль Коллинз, личный врач царя Алексея Михайловича, отца Петра Великого, в сущности будут вторить предубеждениям Флетчера (и Тербервиля).

Неодолимое невежество и мракобесие русских станут лейтмотивом этих описаний. Милтон, буквально следуя Флетчеру, утверждает, что «учения у них несть, и к оному они меж собою нетерпимы», тогда как Коллинз в своём посмертно опубликованном «Нынешнем состоянии России» [*Collins Samuel. Present State of Russia*] (1671) колоритно охарактеризовал русских как «без остатка преданных невежеству своему <...> глядящих на учение аки на чудище

² Ibid. P. 228.

³ Ibid. P. 239.

⁴ О взглядах англичан на Россию в XVI и XVII вв. см.: *Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia, 1553–1815* [*Андерсон М.С. Открытие России Англией, 1553–1815*]. London, 1958. Chapter 1-2.

страшное, и боящихся оного паче огня»⁵. Коллинз, намеревавшийся написать биографию Ивана IV Грозного, «государя могучего, да со многими чудными прихотями», тоже состязается с Флетчером, рисуя запоминающийся портрет Алексея Михайловича:

«Его Царское Величество на два месяца старше Карла Второго; он миловиден, румян, русоволос, с бородою непостриженою, высок и толст, с величественною осанкою, суров в гневе своём, щедр, милосерден, души не чаёт в жене своей, зело добр к сёстрам и детям своим, крепкую память имеет, строго соблюдает молитвы и покровительствует вере своей; и если бы вокруг него не толпилась тьма-тьмущая льстецов и ревнивой знати, отвращая его от его благих побуждений, сомнений нет, что был бы он в числе величайших и мудрейших правителей: его отец [Михаил, первый из Романовых] был муж миролюбивый и обожал англичан; но нынешней царь духа воинственного, бьётся с крымцами, поляками и шведами, а с каким успехом — время покажет»⁶.

В труде, составленном из более ранних английских и других источников, включая влиятельные «Плавания и путешествия послов Фридриха герцога Голштинского к Великому Князю Московии» Адама Олеария [*Olearius Adam. Voyages and Travels of the Ambassadors sent by Frederick Duke of Holstein, to the Grand Duke of Muscovy*] (английские издания — 1662, 1666 и 1669), Джодокус Кралл [*Jodocus Crull*], кембриджский доктор медицины и автор трудов во многих отраслях, писал о «подавлении учения и наук; их знания, даже среди священства, не выходят за пределы чтения и писания на родном языке. Причина тому ясна, ибо невежество делает народ податливым и благоприятствует лёгкости удержания тех устоев и воспитания, что издревле внедрены в них; тогда как к Познанию стремления вовсе нет»⁷. Кралл, однако, писал накануне знамена-

⁵ *Milton John. A Brief History of Muscovia: and of other less-known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay* [Милтон Джон. Краткая история Московии, и о других менее известных странах, лежащих на восток от России и до самого Китая]. London, 1682. P. 21; [*Collins Samuel*]. *The Present State of Russia in a Letter to a Friend at London* [[Коллинз Самюэль]. Нынешнее состояние России, в письме другу в Лондон]. London, 1671. P. 2.

⁶ [*Collins Samuel*]. *The Present State of Russia...* P. 44–45. Описание Алексея см. на стр. 110–111, 125.

⁷ [*Crull Jodocus*]. *The Antient and Present State of Muscovy, containing a Geographical, Historical and Political Account of all those Nations and Territories under the Jurisdiction of the present Czar* [Кралл Джодокус]. Древнее и нынешнее состояние Московии, содержит географические, исторические и политические описания всех народов и земель во владениях нынешнего царя], Vol. I. London, 1698. P. 171.

тельной поездки Петра I в Англию в начале 1698 г. Живописание варварской России с энтузиазмом продолжалось, хотя меняющиеся обстоятельства позволили теперь взяться за этюды в светлых тонах. Россия была на пороге своего появления из тёмных веков на свет, ведомая «даровитейшим и деятельнейшим Государем», коего «путешествия в здешние места убедили о несравненных выгодах, которыми пользуются здесь равно как Монарх, так и Народ, и которые вытекают из уклада государственного, держащегося не на произволе Монарха, но на Законе, и великою Благодатию этою он по щедрости своей намерен одарить и своих подданных»⁸. Англичане не замедлили подчеркнуть решающий характер своего вклада.

Что англичане знали о Петре до его прибытия в Лондон? Ответ предсказуем: очень немногое. Пётр (род. 1672) правил Россией самовластно только с 1696 года, до этого четырнадцать лет делил трон со своим умственно отсталым единокровным братом Иваном (род. 1666), а с 1682 по 1689 г., в период регентства сестры Ивана царевны Софьи (род. 1657), Пётр с Иваном только номинально считались царями⁹. В далекой Англии Карл II, должным образом извещённый гонимым о восшествии на престол юных царей, 24 ноября 1682 г. послал им свои поздравления¹⁰. Четыре года спустя, в апреле 1686-го, брат и наследник Карла Яков II принял генерал-лейтенанта шотландца Патрика Гордона, отчаявшегося покинуть российскую службу, но получившего разрешение посетить Англию и Шотландию, после того, как он согласился оставить свою жену и детей в Москве в качестве «заложников». Король «задал многие вопросы о двух Царях, о стране, о состоянии дел державных и военных, а также о моём путешествии и прочих подробностях»¹¹. Кстати, именно Гордон на протяжении предыдущих двадцати лет снабжал основанную в 1666 г. Карлом II «Лондонскую Газету» [London Gazette] информацией о русских событиях¹². В следующем, 1687 г., к английскому двору прибыл посланник Василий Постников, чтобы

⁸ Ibid. Vol. II, IV.

⁹ См.: *Hughes Lindsey*. Sophia Regent of Russia 1657–1704 [*Хьюз Линдзи*. Софья, регентша России, 1657–1704]. New Haven; London, 1990.

¹⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних отношений России (по 1800 год). Т. I. М., 1894. С. 122.

¹¹ *Gordon P.* Passages from the Diary of General F in the Years 1635–1699 [*Гордон П.* Строчки из дневника из Охлекриса в годы 1635–1699]. London, 1961.

¹² См.: *Herd Graham*. The London Gazette as a Source of Information on Eighteenth-Century Russia // Study Group on Eighteenth-Century Russia [Ская Газета как источник для российской исторической мысли]. № 22. М., 1987.

объявить о подписанном в апреле 1686-го Договоре о Вечном Мире между Россией и Польшей и просить о помощи в кампании против турок, но король, более заинтересованный в восстановлении английских торговых привилегий, удовольствовался поощрительной рекомендацией, «что союзу крепкому сотворено быть должно меж великими христианскими державами против непримиримых противников их и нехристей», сожалея вместе с тем, что «мы столь отдалены, что нам не по силам принять желаемую участь во славе походов сих достохвальных»¹³. «Мы ладили лепо вельми с отцом и братом Короля вашего, а с сим поладить не в силах; горд он превыше всякой меры», — записал русскую реакцию в своём дневнике Гордон, верный сторонник короля, пришедший в ужас от побега того во Францию и восшествия на трон Вильгельма и Марии¹⁴.

Несмотря на то, что все эти годы католик Гордон становился всё более близким и доверенным товарищем (и поклонником) молодого царя, симпатии Петра отчётливо тяготели к протестантам и их антифранцузскому поборнику королю Вильгельму. Когда царю сообщили о победах Вильгельма над ирландцами и французами, он «вскочил на ноги и с радостью возликовал», затем «приказал, чтоб пять его нововыстроенных кораблей дали весёлый залп изо всех пушек»¹⁵. Другие события конца 1680-х способствовали укреплению этих симпатий.

Гордон прибыл в Англию в апреле 1686 г. на корабле, переполненном пассажирами, «большинство оных французы, как сказали они, беженцы по своей вере»¹⁶. Полугодом ранее французский король Людовик XIV отменил Нантский эдикт, вызвав неизбежную реакцию в тех странах, где католицизм и без того уже стал бранным словом. В России, несмотря на настороженность православной церкви к любой иностранной заразе, особенно иезуитской, было достигнуто нелёгкое равновесие, вынужденное соображениям внешней политики. Так, в последние месяцы регентства Софьи, 16 января 1689 г. двое французских иезуитов, надеявшихся проехать через Россию в Китай, были выдворены из страны в качестве явного

¹³ Письмо от 4 декабря 1687 года от Якова к Ивану и Петру, приведённое в: *Hughes L.A.J. V.T. Postnikov's 1687 Mission to London // Slavonic and East European Studies [Хьюз Л.А.Дж. Миссия В.Т. Постникова в Лондоне в 1687 г. // Славянские и восточноевропейские исследования].* № 68. 1990. P. 459.

¹⁴ *Gordon P. Passages from the Diary of General Patrick Gordon ...* P. 165.

¹⁵ *Eekman Thomas. Muscovy's International Relations in the Late Seventeenth Century: Johan van Keller's Observations // California Slavic Studies [Икман Томас. Международные сношения Московии в конце XVII века: наблюдения Йохана ван Келлера // Калифорнийские славянские исследования].* № 14. 1992. P. 50.

¹⁶ *Gordon P. Passages from the Diary of General Patrick Gordon ...* P. 125–126.

возмездия русских за тот приём, который они со своим посольством встретили во Франции в 1687 г., а через несколько дней Иван и Пётр подписали указ, предоставлявший французским гугенотам убежище в России. Как высылке иезуитов, так и подготовке указа способствовал посланник Бранденбургский в Москве Чаплиц. Не прошло и трёх месяцев, как указ был опубликован в Лондоне, где к тому времени образовалась влиятельная община гугенотов, и где он получил особый отклик по причине недавнего восшествия Вильгельма и Марии.

«Провозглашение Царей Московии против Короля Французского и во благодетельство несчастным протестантам, бедствующим в нынешних преследованиях» [A Declaration of the Czars of Muscovy against the French King in Favour of the poor Protestants Distress in this present Persecution] выявляет ходатайство Бранденбурга тем, что дарует протестантам изрядные привилегии: «Волею и милостию нашею все границы наши открыты будут и свободны до их входа. Того более, они с благоприятствием приняты будут на службу к нашим Царским Величествам, и каждый получит достойное жалование, согласно рождению, положению и сану своему. А если протестанты сии надумают возвратиться в свою страну после службы их нашим Царским Величествам, тем, кто похочет того, ничем мешати не будут, но будет им свободная воля ехать»¹⁷.

Рассказы французских иезуитов об их мытарствах в России были опубликованы в английском переводе в 1693 г.¹⁸ и напомнили английской публике об антифранцузской позиции России, ставшей очевидной уже в указе 1689 г. Тем временем российский царь Пётр и английский король Вильгельм начинали сходитья ближе, чем кто-либо из их предшественников или непосредственных преемников. Этому процессу способствовало поразительное улучшение англо-голландских отношений, которое превратило Голландию из барьера между Россией и Англией в мост между ними. Йохан ван Келлер, с 1677 г. голландский представитель в Москве, частенько

¹⁷ Насколько я знаю, об этом «Провозглашении», разрешённом к печати 13 апреля 1689 г. и опубликованном в Лондоне, Э. Марету [E. Maret] и С. Лукасу [S. Lucas], исследователям англо-русских отношений этого периода, неизвестно, и его русский оригинал не был найден. Использованный мною экземпляр находится в библиотеке Кембриджского университета.

¹⁸ *Avril Philippe. Travels into Divers Parts of Europe and Asia, Undertaken by the French King's Order to Discover a New Way by Land into China [Аврль Филипп. Путешествия по различным областям Европы и Азии, предпринятые по указу Французского Короля с целью открыть новую сухопутную дорогу в Китай]. London, 1693.*

плетший интриги против Англии, даже сообщил в июле 1692-го: «При здешнем дворе говорят «hautement» [«во всеуслышание» (фр.)], что для Его Величества Короля Великобритании не будет нецелесообразным удостоить меня какою-нибудь почестью, с единым намерением поддерживать учтливое сообщение в обе стороны. Я же могу извещать о достопримечательных событиях, происходящих в державе сей, а также в Польше, Тартарии и на турецких границах; и я могу распространить в краях здешних слово о деяниях и триумфах Его Величества Короля Вильгельма»¹⁹. Ван Келлер (именно он сообщил Петру о победах Вильгельма) добавил, что «герой юный часто выражал желание быть в армии Его Величества Короля Вильгельма и либо вступить в битву с французами, либо оказать подмогу в морской баталии против оных»²⁰. Голландские новостные листки станут главным источником информации для Петра и его окружения о европейских делах и не в последнюю очередь о военных деяниях Вильгельма. Из голландских же листков «Лондонская Газета», по-видимому, станет черпать русские новости. После 1687 г. Гордон перестал поставлять новости, и качество информации пошло на спад так резко, что такие важные события 1690-х, как строительство русского флота и военные события на юге, переданы не были²¹. В 1697 г. голландские источники предоставляли самую надёжную и полную информацию о продвижении Великого Посольства, покинувшего Москву в марте того года.

В декабре 1696 г., через год после смерти царя Ивана, единокровного брата Петра, был издан царский указ о приготовлениях к Великому Посольству в Вену, Англию, Голландию, Бранденбург, Рим и Венецию во главе с тремя послами — Францем Лефортом, Фёдором Головиным и Прокофием Возницыным. В безупречной тщательности и подробности инструкций, касающихся дипломатического протокола, эти приготовления ничем не отличались от тех, что предваряли прежние посольства к зарубежным дворам²². Главное — бдительно следить за тем, чтобы достоинство и престиж (и титулы) царя не были бы ни в малейшей степени ни очернены, ни унижены. Это было и вправду чрезвычайное посольство — сам царь был его участником, но не главой, а десятником Петром Михайловым, командиром одного из трёх отрядов «волонтёров», сопровождавших посольство. В качестве десятника он фигурирует

¹⁹ *Eekman T.* Muscovy's International Relations... P. 51.

²⁰ *Ibid.* P. 66. Сноска 31.

²¹ *Herd G.* The London Gazette as a Source for Russian History... P. 11.

²² Относящиеся к теме документы имеются в книге: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VIII. СПб., 1867.

в полуофициальном «Юрнале» посольства, тогда как в официальном статейном списке он — Преображенского полку начальный человек. Уловка с сокрытием личности никого не обманула, но была задумана для того, чтобы предоставить Петру ту свободу поведения и передвижения, которой в ином случае он был бы лишён. Официальные представители — возглавляемые Лефортом послы — преследовали свои дипломатические цели создания союза государств против Турции, именно для них страны и города-хозяева организовывали приёмы с обедами и развлечениями. Многие из этих приёмов Пётр посетил инкогнито, от некоторых воздержался, занимаясь тем, что лично для него имело большее значение.

Посольство проследовало через Ригу, Миттау, Кёнигсберг и Берлин и 11 августа въехало в Голландию²³. От первоначального замысла ехать в Вену пришлось отказаться, когда стало известно о конгрессе в Рисвике, собравшемся для разработки мирного договора с Францией. Достигнув Рейна, Пётр расстался с посольством и, взяв с собой семнадцать сопровождающих, отправился вдоль реки и каналов в Амстердам, куда прибыл 7 августа, и затем проследовал в Саардам. Ещё в Москве от своих знакомых из немецкой слободы он узнал о Саардаме и теперь отправился разыскать там людей, некогда побывавших в России. В доме одного из них, кузнеца Геррита Киста, он проживёт неделю, работая на верфях, после чего непрощенное внимание заставит его искать убежище в Амстердаме, где он присоединится к посольству. Вот статья, опубликованная в лондонской газете «Post Boy» [Мальчик-почтальон] датированная «Гаага, 23 августа [н.с.]»: «Царь Московии намерен поехать в Амстердам и провести там 8—10 дней, из-за чего Король отложил свой отъезд из Лоо и приезд сюда. Царь несколько дней в Саардаме, где наблюдал строительство кораблей и где с ним скверно обращались мальчишки, бросавшие в него камни; после сего запрещено было под страхом смертной казни причинять москвитам вред. Государь их, говорят, ростом в 7 футов»²⁴.

«Пост Бой» и «Лондонская Газета» добрых полгода будут представлять своим читателям о деятельности русских в Голландии подробную и точную информацию, особенно касающуюся Вильгельма III и английских интересов. В этих обстоятельствах вполне естественно особое значение первой встречи Вильгельма и Петра.

²³ Детальные отчёты о деятельности посольства в Голландии см.: *Веневитинов М.А.* Русские в Голландии. Великое посольство 1697—1698 гг. М., 1897; *Богословский М.М.* Пётр I. Материалы для биографии. Т. II. Л., 1941. С. 141—290; *Дриссен Йозин.* Царь Пётр и его голландские друзья. СПб., 1996.

²⁴ The Post Boy [Мальчик-почтальон]. № 358 (Thu 19.08 — Sat 21.08.1697).